

Станиславский К. С.

21/I-89

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Соб. перекл. - 1989 - 21 янв. - с. 10.

Диалог со Станиславским

О Станиславском создана целая библиотека, начатая еще в 1909 году крошечной монографией Н. Попова «Станиславский и его значение для современного театра». Вопрос сразу ставился принципиально: о значении. Деятели театра разных профессий и дальше ощущали потребность осмыслить значение искусства Станиславского и его личности. Его тщательно изучали — как Н. Эфрос. Его язвительно опровергали — как Ф. Комиссаржевский. Его оценивали polemически, взрывая установившееся мнение, — как В. Волькенштейн и В. Мейерхольд. Им мучились овладевшие его учением Е. Вахтангов и М. Чехов, желая иначе покорять великую тайну творческой природы. О нем как основателе самостоятельного искусства режиссуры писал Б. Алперс. И еще много имен других, быть может, менее ярко вносящих свою лепту в общее наше представление о Станиславском, составили эту библиотеку. Имеется, к сожалению, и ряд безликих сочинений.

Согласитесь, нужна отвага, чтобы вступить в это сообщество писавших о Станислав-

ском, да еще сегодня, когда мы не согласны читать о нем то, что уже знаем, что уже столько раз разжевано и пережевано. И вот является такой смелый автор — это Ольга Станиславовна Соболевская, в прошлом певица и ученица Станиславского по оперному театру его имени. Она рассказывает нам о позднем Станиславском, двадцатых — тридцатых годов. Книге предпослано небольшое, но точное предисловие А. Михайловой, из которого мы узнаем об этом авторе, в жизни необычайно скромном человеке.

Название книги: «К. С. Станиславский работает, беседует, отдыхает» — осторожное, мало удачное, чтобы привлечь читательское внимание. Опять Станиславский работает и беседует! Однако Соболевская в работе и беседах знакомит нас с непарадным Станиславским, разрушает наше представление о его душевном комфорте. Оказывается, сознание одиночества и недолговечности школы в учениках отравляло жизнь Станиславского. В Кисловодске или подмосковном «Узком», в сумерках на него накатывала волна мрачных дум,

и он искал возможности еще и еще раз разобрать актерские ошибки, наставить на верный путь. Ему нужны собеседники, скорее даже слушатели. Волею случая Соболевская бывала в такие часы рядом со своим учителем. Так возник ее диалог со Станиславским, по сути лежащий в основе ее книги, хотя в ней говорится о многом другом. Тут и воспоминания о детстве и родителях, и описание занятий, репетиций, выступлений в концертах и спектаклях и даже реконструкция оперных постановок Станиславского. Однако все, о чем Соболевская рассказывает с присущей ей честностью (читатель сможет не раз изумиться ее беспощадности к самой себе), существенно для нее лишь и в диалоге со Станиславским. Вся книга подтверждает признание Соболевской: «Да, Константина Сергеевича не стало, не стало личных занятий с ним, долгих бесед, — ушло самое драгоценное, что было в театре. Не возвратишь... Но присутствие личности Станиславского в моей жизни остается, и... странный феномен — с годами эта связь крепнет: соотносится с ним делает-

ся повседневной привычкой, не только в творческой жизни, но и в жизни среди людей — в жизни повседневной».

Именно поэтому интересно читать ее книгу. Соболевская, веруя в одного Станиславского, не боится порой сомневаться в нем, не понимать его, быть несогласной с некоторыми его крайними приемами. Например, репетиция оперы по тексту либретто без музыки или, наоборот, импровизация событий на музыку. Рассказывая, как замечательно было работать со Станиславским, она не скрывает, как бывало с ним трудно, как она сама даже бежала от него. Потрясает в ее рассказе то, как легко можно было перестать существовать для Станиславского. Сколько надо было пережить и передумать, чтобы понять, что в такую минуту не Станиславский обижал, а его ранили в самое сердце. Ведь только один Станиславский, живущий для театра, мог оставлять личное за порогом работы.

Станиславского надо было учиться понимать. Этот процесс шел долго, на протяжении всех лет творческого об-

щения с ним, да и после. Следуя этому процессу, Соболевская постепенно меняет жанр книги: она из мемуарной превращается в теоретическую и театроведческую.

Из всех состоявшихся наяву и мысленных диалогов со Станиславским, из всего опыта работы Соболевская приходит к очень важному выводу, что «его вклад как в драматическое искусство, так и в оперное нельзя раззять». Она пишет, что изучение опыта Станиславского еще до сих пор ведется музыковедами и театроведами раздельно, применительно к своим областям. И это действительно ошибочная методология, скрывающая от нас подлинного Станиславского.

Последние страницы книги Соболевской полны горечи и тревоги. Наблюдая охлаждение практиков к Станиславскому, она поставила задачей своего труда заинтересовать их им. Хотелось бы присоединиться к ее желанию и обратить внимание театральных читателей на эту книгу, так страстно призывающую каждого вступить в диалог со Станиславским.

О. РАДИЩЕВА.